

тельный праздник для гостей. А через три месяца мы с Александром тихо-мирно разошлись... Так что больше никаких свадеб мне устраивать не хотелось. Но наши с Мишей друзья настояли: «Давайте свадьбу». Мы и дали. Этакую ироническую вечеринку: я в белом джемперочке, белых брючках, белых сапожках, все хохотали как безумные. По правде, наша свадьба мало отличалась от предыдущих ночных сборищ. Мы ведь тогда любили погулять, тем более что было где — у меня довольно рано появилась отдельная комната, а потом и квартира на улице Щусева. А родилась я на окраине — в Текстильщиках, потом жила в рабочей слободке на Шелепихе... В общем, в моей квартире всегда было шумно, людно, соседи по ночам стучали: «Утомонитесь! Вчера уже гулеванили, дайте хоть сегодня выспаться». А мы любили до утра попить вина, поиграть на гитаре, повеселиться. Мне казалось, что в этом и есть смысл — вот так, на полную катушку, проводить жизнь.

— *Сейчас думаете иначе?*

— Да. В молодости казалось, что все лучшее — впереди. Я все время куда-то бежала, летела, удовлетворяла свое честолюбие. Мне хотелось, чтобы поездок у меня было больше, чем у других, чтобы роли в кино все были мои. Буквально все! На полном серьезе, смотря тогда «Жестокий романс», я горевала: почему Рязанов взял Гусеву, а не меня? Теперь вижу — почему, а

тогда очень переживала. И не из-за денег, просто все время что-то кому-то хотела доказать. Даже когда лет восемь назад начала заниматься театральной режиссурой, хотела доказать всем, что я великий режиссер, перевернуть мир... А сейчас я ничего никому не доказываю, просто хочу правильно распорядиться оставшимся мне временем.

— *Почему произошли такие кардинальные изменения?*

— Во многом благодаря рождению Кати, появление ребенка изменило всю мою жизнь. Например, раньше я ненавидела лачу — толстела там, скучала, раздражалась и хотела всех убить. А теперь, наоборот, очень много времени провожу на природе — и из-за Кати, и самой нравится. Но это все детали... Главное, я поняла, как это глупо — заикливаться на кино, на ролях. Ведь это настоящая болезнь — зависимость от профессии, как у наркоманов от наркотиков.

В период перед рождением Кати я находилась в творческом кризисе: с ролей молодых героинь уже ушла, а возрастные еще рано было играть, да и картин снималось мало. Так что дочка меня выручила, перевернула мое мировоззрение, благодаря ей я поняла, что главное назначение женщины — быть матерью. Жаль, что это случилось так поздно — в 37 лет. И еще я очень жалею, что у меня всего один ребенок.

— *Что мешало подарить Кате брата или сестру?*

— Мне Катя так трудно далась... Первый год она просыпалась каждую ночь раз по семь, при этом постоянно болела. Поздний ребенок — это адски тяжело. Твоему сложившемуся организму со всеми дурными и хорошими привычками вдруг приходится резко изменять все привычки. Поэтому первые три года о втором ребенке не могло быть и речи. И когда Катя просила

«Мне Катя очень трудно далась. Первый год она просыпалась абсолютно каждую ночь раз по семь, при этом постоянно болела. Поздний ребенок — это адски тяжело»